

Андрей Пучков

“ЯЗЫК ТРИБУНА С СЕРДЦЕМ ЛАНИ”

Два письма Юлиана Кулаковского Иннокентию Анненскому¹

*Иннокентий Анненский был щедро
вознагражден посмертной славой
за прижизненную безвестность.*

М. ГАСПАРОВ

Филологи-классики Юлиан Кулаковский, сделавшийся византинистом, и Иннокентий Анненский, ставший русским поэтом, были одногодками. Кулаковский родился в поповской семье в июле 1855 года на западе империи в Паневежисе, Анненский в августе на востоке, в Омске, в семье начальника отделения Главного управления Западной Сибири. Учились они вместе, могли быть на “ты”, но в те времена междворянское панибратство не приветствовалось. По окончании гимназий (Кулаковский – виленской; Анненский – питерской “Человеколюбивого общества”) начали преподавать древние языки: Кулаковский в Императорском университете св. Владимира, Анненский в столичной гимназии Ф. Бычкова (позднее – Я. Гуревича). Кулаковский дослужился до генерала римской словесности, Анненский – до генерала словесности изящной. Оба глядели на свое письменное дело печальными глазами профессионалов.

Публиковаться начали тоже почти одновременно. Анненский анонимно – за подписью “И. А-ский” – в марте 1881-го в “Журнале Министерства народного просвещения” выступил с рецензией на книгу А. Малецкого “Историческая и сравнительная грамматика польского языка” (“Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego”, Lwów, 1879). Кулаковский годом раньше в том же ЖМНП выступил с объемистой ученой статьей “Praemia Militae <награждение солдат> в связи с вопросом о наделе ветеранов землей” (1880, июнь). Скорее всего, он, как и Анненский, не внял доброму принципу до тридцати лет не печататься (чтобы после не было стыдно). Непослушного Анненского об этом предупредил старший брат Николай (основоположник российской статистики); Кулаковского, рано

---

¹ Считаю живой необходимостью и приятным долгом выразить искреннюю признательность моему другу Евгению Жаркову, автору фундаментальной монографии “Страна Коктебель” (К., 2008), который по моей просьбе в Российском государственном архиве литературы и искусства сделал список публикуемых писем. Собственно говоря, их публикация оказалась возможной благодаря доброй услуге Е. Жаркова.

оставшегося без отцовского попечения, предупредить было некому, и оба в положенные 25–26 лет начали публикаторскую карьеру.

Вот женились несходно. Анненский сделал это рано (в 1879 г.), еще студентом влюбившись в овдовевшую Надежду (Дину) Валентиновну Хмара-Барщевскую (урожд. Сливицкую, 1841–1917). Разница в возрасте – четырнадцать лет. Анненский был поэт, и здесь все понятно. Кулаковский был ученый, и здесь тоже все понятно: будучи доктором наук и ординарным профессором, в 35 лет (в 1890 г.) женился на Любови Николаевне Рубцовой, дочери Виленского городского головы. У Анненских был общий сын Валентин, ставший поэтом В. Кривичем (1880–1936), издававшим рукописи отца; у Кулаковских двое сыновей: Сергей (1892–1949) и Арсений (1893–1930-е), из которых первый умер профессором русской словесности в Лодзи, второй – лузером, от сифилиса, подхваченного с киевской потаскухой. О Дине Анненской излишне язвительно и потому неточно вспоминал Б. Варнеке: “Чуть не студентом И.Ф. женился на вдове, матери своего товарища по университету, увлеченный ее красотой, о которой догадываться можно было по тем молодым ее портретам, какие висели у него в кабинете. Теперь это была дряхлая, высохшая старуха, по крайней мере на 25 лет старше своего цветущего мужа. <...> Знатная смоленская дворянка, где у нее оставались еще какие-то владения, она была замужем первым браком за каким-то не то губернатором, не то предводителем дворянства, и вот к этому кругу она целиком и принадлежала и по своему облику, и по своим вкусам, вероятно чувствуя себя очень дико среди тех ученых и педагогов, в среду которых поставил ее брак с И.Ф.”². О супруге Кулаковского даже таких мемуаров не осталось. Об этих женах, пожалуй, не стоило бы упоминать – как и вообще о женах великих людей (за редкими исключениями), – если бы они не были персонажами публикуемых писем.

Кулаковский всю жизнь читал римскую словесность в Университете св. Владимира, Анненский менял директорство в гимназиях: Коллегия Павла Галагана в Киеве (1891–1893 гг.), Восьмая мужская в Петербурге (1893–1896 гг.), престижная Николаевская в Царском Селе, “славившаяся прекрасной постановкой классического образования”³ (1896–1906 гг.); в последние годы – 1906–1909 – вынужденно инспекторствовал в Санкт-Петербургском учебном округе. С этой должности “был уйден” за месяц до кончины. Ан-

² Варнеке Б.В. И.Ф. Анненский // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник’1981. Л., 1983, с. 73.

³ Фролов Э.Д. Русская наука об античности: Историограф. очерки. СПб., 1999, с. 356.

ненский умер в 54 года: от паралича сердца на ступеньках столичного Царскосельского (Витебского) вокзала по пути на заседание Общества классической филологии и педагогики – читать доклад о Еврипиде. Кулаковский умер в 64 – в феврале 1919-го, от эмфиземы легких и “слабости сердца” через два дня после прихода большевиков. Отчего русские поэты менее долговечны, чем русские ученые?

К времени назначения Анненского директором Коллегии Павла Галагана (январь 1891 г.) Кулаковский более десяти лет привыкал к почетному званию киевлянина. С супругами Е. и Г. Галаганами он познакомился весной 1885-го: “Сегодня неожиданно пришлось мне сделать знакомство с Галаганами, ибо вчера получил я приглашение на обед, на котором они обыкновенно заканчивают учебный год. Стол был большой – оканчивающие ученики, учителя да четыре профессора, и я в том числе. Галаганы – очень любезные и предупредительные люди”, – писал он Т. Флоринскому⁴. Наверняка Галаганы приглашали Кулаковского на торжественные предвыпускные обеды и в следующие годы (отчего бы им, раз пригласивши, не делать этого впредь?), и, быть может, именно в Коллегии в 1891 г. он познакомился с Анненским, тогда еще совершенно неизвестным поэтом, но уже начинавшим делать себе ученое имя публикациями в журнале “Русская школа” Я. Гуревича⁵.

“Работа над Еврипидом начинается в 1891–1893 гг. в Киеве: Анненскому только что минуло 35 лет, он “на середине странствия земного”, потом он не забудет упомянуть, что Леконт де Лиль тоже стал писателем в 35 лет. Как кажется, около этого же времени он начинает писать и те свои “настоящие” стихи, которые в 1901 г. будут собраны под мрачным античным заглавием “Из пещеры Полифема”, а в 1904 г. выйдут под заглавием “Тихие песни”. Начиная с 1894 г. и до 1903 г. почти ежегодно он печатает по пьесе со статьей (обычно в “Журнале Министерства народного просвещения”). Как менялась за это время – от “Вахханок” до “Медеи” – переводческая техника и поэтический стиль Анненского, – это еще предстоит исследовать. Для самого Анненского оттачивание своего стиля на оселке Еврипида закончилось в 1901–1902 гг. В эти два года он пишет три собственные пьесы на сюжеты несохранившихся драм Еврипида: “Меланиппа-философ”, “Царь Иксион” и “Лаодамия”. Это значило, что необходимость

⁴ ИР НБУВ. Ф. III, д. 20268 (31.05.1885), л. 2об.

⁵ К тому времени появились в “Русской школе” три статьи Анненского: “О формах фантастического у Гоголя” (1890, № 10, с. 93–104), “Об эстетическом отношении Лермонтова к природе” (1891, № 12, с. 73–83), “Гончаров и его Обломов” (1892, № 4, с. 71–95).

точно следовать еврипидовському слову – даже в широких рамках своего перевода-пересказа – уже начинала его тяготить”⁶.

В том, что Анненский в сентябре 1893 г. был отстранен от директорства в Коллегии Галагана, странности нет: он пытался противостоять тому, о чем с горечью вспоминал А. Крымский (выпускник 1889 г., будущий академик и неперемный секретарь ВУАН): “Там гніт вихователів бува нестерпучий, бо вони мають змогу залізати своїми брудними пальцями в душу вихованця і прикладати до неї свої психологічні міркування. О, як я ненавидю ту психологію в вихованню! Як я ненавидю те езуйтство!”⁷. Конечно, почетная старушка-попечительница с заскоружеными педагогическими воззрениями, Е. Галаган, была недовольна, и в 1892 г. написала Анненскому обиженное письмо⁸, а в Министерство – соответствующие ламентации. Анненский стремился воспитать талантливых и свободных, а Галаганам были нужны вежливые и образованные. Министерство вернуло Анненского в Петербург.

Говорить о близком знакомстве Анненского с Кулаковским приходится едва ли. Скорее, это знакомство профессиональное. Кому мог Анненский подарить вышедший перевод “Вакханок” Еврипида? Прежде всего коллеге, филологу-классику, способному оценить качество работы. В Киеве этим человеком мог быть Кулаковский.

Любопытно другое: именно в Киеве, в годы галаганского директорства, у И. Анненского созрел замысел перевести девятнадцать трагедий любимого им Еврипида, во вступительных статьях осуществив их художественный анализ и снабдив научным комментарием. В Киеве же он засел за “Вакханок”⁹.

Б. Варнеке писал об этом издании в рецензии на “Меланиппу-философа”: “В 1894 г. И.Ф. Анненский издал книгу, которой было суждено стать краеугольным камнем того величественного и знаменательного для истории русского театра здания, при завершении которого мы теперь присутствуем <...> Каждая строка перевода И.Ф. Анненского изобличает

⁶ *Гаспаров М.Л.* Еврипид Иннокентия Анненского // *Еврипид*. Трагедии / Пер. Инн. Анненского, ст. М.Л. Гаспарова и В.Н. Ярхо; Отв. ред. М.Л. Гаспаров: В 2 т. М., 1999, т. 1, с. 598. Эта статья – о преображении Еврипида под пером Анненского – лучшее, что у Гаспарова написано на эту тему.

⁷ А. Крымский – Б. Гринценку, 23.06.1892 // *Епістолярна спадщина Агатангела Кримського (1890–1941 рр.)*: У 2 т. К., 2005, т. 1, с. 80. См. также: *Петровский М.* Киевский гимназист в конце XIX века // *Петровский М.* Городу и миру: Киевские очерки. 2-е изд., перераб. и доп. К., 2008, с. 7–34.

⁸ ИР НБУВ. Ф. 1, д. 49165, л. 1.

⁹ *Федоров А.В.* Иннокентий Анненский – лирик и драматург // *Анненский И.* Стихотворения и трагедии. Л., 1990, с. 11.

в нем не механического версификатора, а цельного поэта, который тонко чувствует музыку стиха и свободно, смелой и твердой рукой находит на своей палитре краски для создания выпуклых, ярких образов”¹⁰. По мнению современных исследователей – М. Гаспарова и В. Ярхо – “Вакханки” Анненского это “самый ранний и неудачный”¹¹ из его переводов. “В ней еще не устоялись его обычные приемы нумерации “явлений”, подачи ремарок и т. р.: так, в ремарки вводятся объяснения, что такое парод, как выглядели декорации и проч. <...> Анненский собирался переработать свой перевод; ссылаясь на это его намерение, Ф.Ф. Зелинский в посмертном издании переписал его работу почти на треть”¹².

Читая первое из публикуемых писем, ловишь себя на мысли, что оно, во-первых, короткое, во-вторых, сахарно-восторженное, в-третьих, излишне домашнее (жена, чтение вслух итд). Эти три качества, взятые вместе, свидетельствуют, что Кулаковский не собирался сочинять журнальную рецензию на перевод “Вакханок”, но Анненский, вероятно, на это тайно рассчитывал. Поскольку же отвечать на книжные презенты все равно следует с величайшим почтением, Юлиан Андреевич сделал это с наивысшей эпистолярной комплиментарностью. В это время дома у Кулаковского росли годовалый Арсений и двухлетний Сережа, и чтение “Вакханок” вслух – перед женой и сидящими на горшке ребятишками – могло быть обставлено как “вечірній Кафка для малят”, то есть со всеми ужасами Дионисов и Кадмов, Пенфеями, Тиресиями и Агавами. Когда Дионис в третьем стасиме (явление девятое) восклицает:

О, женщины! в силки он сам идет,

И ждет Пенфея кара у вакханок, –

Кулаковский-чтец выразительным глазом скашивал на Любовь Николаевну.

Сквозь строки первого письма можно услышать, что Кулаковскому не слишком понравились анненские “Вакханки”: чего-чего, а вот точности в переводе как раз не было, и, сравнивая оригинал с переводом, именно в этом нетрудно убедиться. М. Гаспаров врезал в память: Еврипид у Анненского темен и болезнен, как салонный декадент (помните: Эсхил у Вячеслава Иванова архаичен и таинствен; Софокл у Фаддея Зелинского складен и доходчив, как адвокат?). “Всякий перевод деформирует подлинник, но у каждого переводчика – по-своему. Еврипид у Анненского пострадал больше всего. Во-первых – это заметили уже первые критики, – речь

¹⁰ Филологическое обозрение, 1901, т. XX, кн. 2, отд. II, с. 88.

¹¹ Ярхо В.Н. Примечания // *Еврипид*. Трагедии... т. 1, с. 604.

¹² Ярхо В.Н. Примечания // *Еврипид*. Трагедии... т. 2, с. 689.

в античної трагедії логічна, раціональна, розворається довгими складно-підпорядкованими періодами. Анненському це претит, він робить її емоційною, романтично відірваною, розірваною паузами-многоточіями, в яких повинно скритися невиразне. Во-друге, він багатослівний: майже кожні десять віршів підписника розростаються до тринадцяти-п'ятнадцяти, фрази удлинюються, перестають укладатися своїми зв'язками в відведені їм строки і полустіхи, прихотливо перекидаються з строки в строку, і з цього “дікціонна фізіономія” Еврипіда (вираження Ф. Зелінського) втрачається остаточно”¹³. Гаспаров, щоб виявити у Еврипіда замість анненської емоційності – логічність, замість відірваності зв'язність, замість изломаності чіткість, замість багатослівності стислість, – переклад “Електру” і “Ореста”¹⁴; Йосиф Бродський, в 1994–1995 гг. за проханням Ю. Любимова зробив для постановки “Медів” в перекладі Анненського (в Театрі на Таганці) нові переклади хорів¹⁵, пощастить, преследував цілі, ще більш далекі від перекладеских цілей Анненського.

Наприклад, у Анненського:

Священна клятва в пилю,
Коварству немає меж,
Стидливість і та вилетіла
На небо із славної землі (ст. 437–440).

У Бродського:

Клятви днесь – що килим, який в бруді розстелен.
Міста, де честь живе, вам не покаже еліт.
Разве – ткне пальцем вгору; знає, небосвод побілен.

Переклади Бродського і Гаспарова – крайні форми розшатаності і строгості перекладів Еврипіда. Між ними, ближче до Бродського, розкладається досвід Анненського. Це тому, що Бродський поет, а Гаспаров учений. Але це звідти, із Бродського: “сильний лише виживає. Переживає – слабкий” і “або біль для неба – хмара вигляд частий”. У Анненського це виглядає по-іншому.

Так, зробившись похвалою “Вашому умелому майстерству істинного майстра”, сиречь невідомо чому, Кулаковський відділяється і від “Ваханок” Анненського. Добре слово і кошке приємно: Інокентій Федорович кулаковську епістолу зберіг.

¹³ Гаспаров М.Л. Експериментальні переклади. СПб., 2003, с. 78–79.

¹⁴ Там же, с. 82–113, 117–157.

¹⁵ Бродський І. Пейзаж з наводненням. СПб., 2006, с. 168–179.

Второе письмо, похоже, бывшее ответом на несохранившееся письмо Анненского, лишь вскользь касается перевода Еврипидовой “Медеи” – все больше о делах учебных, издательских и семейственных. И ни слова, хоть чуток комплиментарного, о качестве перевода.

Наверное, этого письма могло и не быть, если бы не одно биографическое обстоятельство, засвидетельствованное Б. Варнеке: “Окончив новый перевод или самостоятельную статью, И.Ф. устраивал обычно у себя чтение. Стоя у конторки под цветущим кустом белых цветов, он на французскую манеру читал свои стихи, слегка пришепетывая, и живописно ронял на малиновое сукно те большие листы, на каких всегда писал своим крупным круглым почерком. Читаниям этим обычно предшествовал роскошный обед с дорогими винами. <...> Почетными гостями на чтениях бывали профессора Ф.Ф. Зелинский, П.П. Митрофанов, акад. Ф.Е. Корш и проф. Ю.А. Кулаковский, когда жил в Петербурге по делам бесчисленных в те годы комиссий”¹⁶. Насчет “крупного круглого почерка” Анненского Варнеке соврал: крупный и круглый (даже какой-то квадратообразный) был у него самого – у Анненского почерк был мелкий и остренький (посмотрите автографы). Погорячился Борис Васильевич – человек театра – и касательно “бесчисленных” комиссий. С сентября по декабрь 1902 г. Кулаковский живет в столице (либо в меблированных комнатах “Лувр” на Невском, либо на Фонтанке у брата Платона), будучи назначенным от Университета св. Владимира членом Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Он очень активен: сочинил несколько принципиальных докладов – “По вопросу об ординарных и экстраординарных профессорах”, “О плате за учение в университете”, “О подготовке преподавателей средних школ” и проч. Присутствие на домашних чтениях у Анненского (в Царском Селе) и работа в Высочайшей комиссии, обсуждение не только поэтических достоинств перевода “Медеи” (как раз 1902 г.), но и вопросов улучшения организации российского просвещения, по всему вероятно, позволили Кулаковскому через год столь подробно для частного письма останавливаться на служебных моментах.

Адресат, “будучи человеком замкнутым, сдержанным, прекрасно владеющим собой, всегда оставался ровным и тактичным в отношении как к младшим и нижестоящим, так и к высшим”¹⁷, и – надо полагать –

¹⁶ Варнеке Б.В. Указ. соч., с. 77.

¹⁷ Федоров А.В. Указ. соч., с. 13.

к равным по социальному цензу. Содержание писем свидетельствует, что особой духовной близости между двумя филологами-классиками не было, а самостоятельные стихотворные произведения Анненского для Кулаковского, по крайней мере, при жизни Иннокентия Федоровича, остались, пожалуй, “за шеломянем”. Только через год появится анонимный (подпись: “Ник. Т-о”) сборник “Тихие песни” (СПб., 1904); подготовленный В. Кривичем “Кипарисовый ларец” (в кипарисовой шкатулке хранились рукописи поэта) выйдет посмертно в 1910 г., а до кривичевских изданий 1923 г. не доживет и сам Кулаковский. Самостоятельные драматические опусы Анненского “Меланиппа-философ” (СПб., 1901; с посвящением Варнеке), “Царь Иксион” (СПб., 1902) осенью 1903 г., конечно, могли быть Кулаковскому знакомы, но мы до сих пор не знаем, насколько искренне он был раскрыт к восприятию стихов.

Крайние точки – “Вахханки” и “Медея”, – впечатлевшиеся в двух письмах (похоже, это единственные послания Кулаковского Анненскому), – первая и последняя переведенные Анненским трагедии Еврипида. Между ними были переводы еще семнадцати трагедий – да три собственных на Еврипидовы мотивы. Остальное время, могшее быть эпистолярно закрепленным, – время между письмами – осело в разговорах при личных встречах.

“Для товарищей-филологов он не был ученым, а только талантливым лектором и популяризатором с досадными декадентскими вкусами. Для символистов он был запоздалым открывателем их собственных открытий <...>. Для молодых организаторов “Аполлона” он был декоративной фигурой, которую можно было использовать в литературной борьбе, а самого поэта обидно третировать. <...> В советское время, как ни странно, Анненскому повезло”¹⁸. Трудясь, Анненский был уверен, что рано или поздно должно будет повезти: “Нисколько не смущаюсь тем, что работаю исключительно для будущего”¹⁹, – черкнул он кузине, А. Бородиной, в 1899 г. Едва ли та удивленно пожала плечами: многие пишущие живут в такой презумпции.

Впрочем, они оба – Анненский и Кулаковский – будто следовали инструкции Фернандо Пессоа, позднейшего португальского поэта, выполняя ее в точности.

---

¹⁸ *Гаспаров М.Л.* Указ. соч., с. 599.

¹⁹ *Анненский И.* Книги отражений / Изд. подгот. Н.Т. Ашимбаева, И.И. Подольская, А.В. Федоров. М., 1979, с. 447.

Защитись от реальности жизнью двойною,
Не давай покушаться на тайны твои,
Ни морщинкой не выдай на гордом челе,
Что душа твоя – сад за высокой стеною,
Но такой, где одни сорняки да репы
И сухие былинки на скудной земле.

1. Ю.А. Кулаковский – И.Ф. Анненскому

Киев – Санкт-Петербург
18 октября 1894 г.²⁰

Многоуважаемый Иннокентий Федорович!

Позвольте Вас поздравить с Вашим прекрасным творением, явившимся в свет с таким изяществом мысли, стиля и внешней формы. Сегодня утром, вернувшись из университета, нашел я у себя на столе Эврипидовых Вакханок²¹, ставших Вашими, а теперь нахожусь под обаянием вашего перевода, который я только что закончил чтением, и читал его громко за один раз, чтобы чувствовать лучше и <отчетливее> цельность творения. Что Вы мастерски владеете русским словом, это я знаю, но что Ваше мастерство простирается и на стих, это была для меня приятная новость. От души поздравляю Вас с этим блестящим началом (а быть может, это и не начало, а только я не знаю о предшествующем?) и желаю такого же прекрасного продолжения. Жена моя, которая меня слушала и <старалась оценить> возможность громкого чтения, благодарил Вас за удовольствие, а тем более благодарю Вас я, которому Ваша прекрасная книга несравненно ближе, чем ей.

Крепко жму Вашу руку, прошу Вас передать привет Дине Валентиновне от моей жены и меня, и остаюсь искренне уважающий Вас
Юлиан Кулаковский.

18 окт[ября] [18]94. Киев

P. S. Экскурсы я тоже почти целиком прочитал с величайшим удовольствием, а сравнивая в разных местах оригинал с переводом, дивился и точности, и Вашему умелому изяществу истинного мастера. Хвала Вам и слава!

РГАЛИ, ф. 6 (Анненский И.Ф.), оп. 1, ед. хр. 337, л. 1–2об.

²⁰ Особенности орфографии не сохранены.

²¹ См.: Вакханки, трагедия Эврипида. Стихотворный перевод с соблюдением метров подлинника, в сопровождении греческого текста, и три экскурса для освещения трагедии, со стороны литературной, мифологической и психологической. СПб., 1894. См. новейшее переиздание (без редактуры Зелинского, принятой в изданиях Эврипида 1968 и 1980 гг.): *Эврипид. Трагедии...* т. 2, с. 388–447.

2. Ю.А. Кулаковский – И.Ф. Анненскому

Киев – Царское Село
13 октября 1903 г.²²

13 окт[ября] 1903, Киев

Многоуважаемый Иннокентий Федорович!

Сегодня получил я октябрьскую книжку Ж[урнала] М[инистерства народного] Пр[освещения] и увидел, в какой хорошей компании оказалась Медея²³; но, правда, и тесновато ей стало. В ноябре, вероятно, дело исправится. Ваше короткое замечание “негде печататься”²⁴, я понял, как скорбь о прекращении Филол[огического] обозрения²⁵. Хотя я сам не был усердным сотрудником этого журнала²⁶, но я сочувствовал ему от всей души и радовался, что он у нас существует при каждом новом номере. Прекращение его жалкий *testificatus* <свидетельство> нашего настоящего. Когда <А. В.> Адольф²⁷ написал мне, что он прекращает издание, я сунулся в два места, где надеялся вызвать мысль о помощи журналу. Написал <Н. Я.> Сонину²⁸ как председателю Ученого Комитета, побуждая его проявить свое участие к изысканию средств продолжить это нелегкое предприятие. Написал и <В. В.> Латышеву²⁹, думая, что Академия, которая располагает такими огромными средствами на всякие издания, может в той или другой форме, как высшая инстанция научной деятельности в государстве, помочь делу. Но мои воззвания остались ни при чем. Чтобы морально вознаградить Адольфа за его добрый подвиг, мы, здешние классики, провели ему диплом почетного доктора от нашего университета³⁰.

²² Особенности орфографии не сохранены.

²³ См. новейшее переиздание: *Еврипид*. Трагедии... т. 1, с. 62–122.

²⁴ Эпистолы Анненского Кулаковскому обнаружить не удалось.

²⁵ “Филологическое обозрение”, журнал классической филологии и педагогики. Издавался в Санкт-Петербурге в 1892–1902 гг.

²⁶ Перечень двенадцати публикаций (рецензий) Кулаковского в “Филологическом обозрении” см.: *Пучков А.А.* Юлиан Кулаковский и его время. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2004, с. 398–399.

²⁷ Адольф, Андрей Викентьевич (1857–1905), российский филолог-классик. В 1892–1902 гг. издавал и редактировал (первые два года – вместе с В. Аппельротом) “Филологическое обозрение”.

²⁸ Сонин, Николай Яковлевич (1849–1915), российский математик, академик (с 1893 г.). В 1901–1915 гг. – председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения и член Совета Министров.

²⁹ Латышев, Василий Васильевич (1855–1921), российский филолог-классик, академик (с 1893 г.). Член совета министра народного просвещения, товарищ министра.

³⁰ В сентябре 1903 г. Совет Императорского университета св. Владимира присвоил А. Адольфу ученую степень доктора римской словесности *honoris causa*.

Я совершенно не понимаю, как Моск[овский] университет, да и Моск[овский] округ учебный, не нашли способа помочь изданию и не дать ему остановиться. Адольф писал мне года полтора тому назад о своем расстроенном здоровье, теперь не имею от него вестей. Может быть, и в самом деле здоровье не позволяет ему нести этот труд, какой он так бодро выполнял на общую пользу.

А что это ученый Комитет, в котором ведь и Вы действуете, так медленно двигает дело реформы гимназии? Ведь надо же по[с]корее выйти из кризиса, который не может не сказываться на школе. С этой осени я стал в близкие отношения к гимназии, так как оба моих сына поступили в первый класс здешней классической гимназии, каковой осталась вторая³¹. Но какая же она классическая, когда лат[инский] язык с его ясной грамматикой изгнан из первых двух классов? Ужасно это[го] жаль. К сожалению, для меня в моих непосредственных отношениях к гимназии нежданно-негаданно вышел перерыв, так как мой старший мальчик заболел скарлатиной, которая уже проходит, но все равно [это] делает его отрешенным от гимназии не меньше как на шесть недель.

Низко кланяюсь Дине Валентиновне. Крепко жму Вашу руку.

Искренне преданный Ю. Кулаковский

РГАЛИ. Ф. 6 (Анненский И. Ф.), оп. 1, ед. хр. 337, л. 3–4об.

---

³¹ Вторая мужская гимназия (1834–1917 гг.) с 1856 г. располагалась в здании по Бибиковскому бульвару, 18 (ныне – бульвар Тараса Шевченко), построенном по проекту архитектора П. Шлейфера.